

В.А. Редькин

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

В советском литературоведении чаще всего игнорировались национально-религиозные корни духовности Сергея Есенина. Чтобы добиться от властей разрешения читать, издавать, изучать его стихи, есениноведы долгие годы стремились доказать, что он полностью принял Октябрь, Ленина, что он «беспартийный большевик». Как справедливо подчеркивал И.А. Есаулов, отсутствовала литературоведческая наука, которая «совпадала бы в своих основных аксиологических координатах с аксиологией объекта своего описания»¹. Сейчас обозначился объективный и политически непредвзятый подход к его произведениям, но часто анализ поэтических текстов С. Есенина проводится без учета христианской аксиологии, которая лежала в основе всего творчества поэта. В 90-е годы появилось новое течение в отечественном литературоведении связанное с выявлением христианских основ русской культуры, традиционного национального менталитета. Главная его задача, по словам Т.А. Кошемчук, «не констатация отдельных христианских тем и мотивов, даже не анализ их своеобразия в творчестве того или иного писателя, но целостное постижение религиозного смысла творчества русских писателей и поэтов в его сложности, в процессе и становлении, в духовных постижениях и отступлениях – при понимании таинственной основы творчества и личности творца и учете специфической природы художественной сферы»². Однако последнего чаще всего и не происходит. Так, М.М. Дунаев в фундаментальном труде «Православие и русская литература» фактически отлучает С. Есенина от православной веры, Христовой Церкви, не замечает в его творчестве традиционной христианской аксиологии. Он подмечает у поэта греховное состояние уныния, тягу к смерти, неспособность к любви, находит близкие к кощунству призывы, говорит о безграмотном понимании поэтом целей революции. Прямолинейно понимая поэтические образы, принимая за чистую монету злобные измышления Мариенгофа, ученый приходит к выводу, что «религиозность Есенина превращалась в литературщину, в нагромождение и смешение образов библейских, церковных, бытовых»³.

¹ Есаулов И.А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 382.

² Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука. 2006. С. 13.

³ Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 т. М.: Худож. лит. 2004. Т. 6. Кн. 1. С. 73.

«Умом Россию не понять...» – эти слова Ф. Тютчева воплощают в себе суть русского национального сознания. Голым рассудком не понять и поэта, тем более такого по-русски противоречивого, как Сергей Есенин. Под какой общий знаменатель подвести его образ златокудрого Леля и хулигана, гуляки, его известную близость к левым эсерам, большевикам и верноподданнические выступления перед особами из царской семьи, его веру в Бога и богохульство и т.д., и т.п.? И все-таки общий знаменатель есть! Это русская душа, живущая во взлетах и падениях, грехе и покаянии, это страстная, всепроникающая любовь поэта к Родине. «Моя лирика жива одной большой любовью – любовью к Родине», – подчеркивал поэт¹. Всем своим творчеством С. Есенин утверждает религиозную правоту патриотизма. По словам И.А. Ильина, истинная «любовь к родине есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и потому благодатный»². Поэтому в знаменитых строках поэта: «Если кликнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою» – нет кощунства. Судьба С. Есенина – это судьба России XX века. Поистине сатанинские силы руками иуд, фарисеев и пилатов обрекли страну и ее поэта на страдания и гибель. И даже пути их уничтожения избраны одни и те же: спойть, развратить, лишить веры в идеалы. И та же удивительная несопротивляемость, самоубийственная покорность судьбе.

Тема Родины, воспевание красоты и гармоничности природы как Божьего мира, утверждение соборности крестьянской Руси, сердечность и предельная искренность, смирение и бунт против зла, насилия и несправедливости – все в творчестве Есенина обусловлено традиционной русской духовностью, нравственными ценностями, восходящими к православии, вере, которую поэт выпитал с молоком матери. Он ощущает явное присутствие в мире Христа и его посланцев, несущих людям любовь, сострадание и защиту от бед, чувствует Божью Благодать, разлитую в многоцветии природы, колокольном звоне и песне жаворонка. Именно в этом смысл таких стихотворений С. Есенина, как «Микола», «Чую радуницу Божью...», «Шел Господь пытать людей в любви...», «Не ветры осыпают пуши...», «Пасхальный благовест», «По дороге идут богомолки...» и др. Лирический герой предстает то «в скуфье смиренным иноком», то «захожим богомольцем», то пастухом, который молится «на алы зори», «причащается у ручья». Чувствуя разлитый в мире «голубиный дух от Бога», Есенин признается: «Чую радуницу Божью –/ Не напрасно я живу, / Поклоняюсь придорожью, / Припадаю на траву». И эти чувства не противоречат христианскому мировосприятию, ибо мир для поэта чудесен. Природа для него это Божий храм. Не случайно в стихотворении «Русь» он заме-

¹ С.А. Есенин в воспоминаниях современников. В. 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 44.

² Ильин И.А. Для русских. Избранное. Смоленск, «Посох». 1995. С. 38.

чает, как «на подвесках из легкого золота закачались лампадки небес», теплится «свечка вечерней звезды, а в роце ему чудятся «запахи ладана». В годы войны у него святой Егорий ведет стаи волков в битву с врагами, а «праздники победные» ассоциируются с монастырским звоном.

Вообще для С. Есенина жизнь – это подвиг, это состояние души и высота духа. Героический характер в творчестве Есенина восходит к традиции подвижничества православных святых, «подвигающихся на пути веры и праведничества». Как Георгий Победоносец поражает копьем дракона, оставаясь просветленно-бесстрастным, так и созвучные душе поэта герои его поэм совершают свой духовный подвиг без чувства мести и зла. В ранних поэмах «Марфа Посадница», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате» герой выполняет своим подвигом волю народа, а за ней стоит воля Божья. Человек фактически осуществляет предназначение, предписанное свыше. Соратнику Степана Разина Василию Усу ничего «от земли не надо, о другой он земле гадает, о других небесах вздыхает». А его мать, глядя на божницу, как бы подмечая мессианскую роль героя, восклицает: «Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!» Евпатий Коловрат у Есенина противопоставлен Батью не столько физической силой, сколько духовной: «И не меч Евпатий вытянул, а свеча в руке затеплилась». Противоборство Ивана III с Марфой Посадницей представлено поэтом как борьба дьявола с Богом. Царь вступает в сговор с сатаной, а Марфа становится воплощением воли Господней, посылая к нему за советом голубей. Нет никаких оснований не верить поэту, когда он прямо заявляет: «Я странник убогий, / С вечерней звездой / Пою я о Боге / Касаткой степной... / На сердце лампадка, / А в сердце Иисус». Скорее его известные слова: «Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, божьим матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии», – это грех самооговора, вызванного внешними обстоятельствами. В стихах он остается верным себе и своей вере.

М. Дунаев, говорит о грусти, которая с юности вошла в сердце поэта, считая, «что это греховное состояние, которое называется унынием».¹ Но можно ли строки: «В душу грусть вошла, как горькая отравка», «Жизнь – обман с чарующей тоскою...», – считать подтверждением этой мысли? Грусть, по Далю, это «скорбь, горесть, печаль, тоска, томленье, сокрушение, соболезнованье»². Как правило, у Есенина светлая грусть, связанная с состраданием, с осознанием несовершенства падшего и греховного мира. Она преодолевается верой, ощущением безграничной красоты Божьего мира, гармоничной и прекрасной формой самого есенинского стиха. По сути, стихи Есенина – это христианское утешение всем скорбящим и обез-

¹ Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 т. М.: Худож. лит. 2004. Т. 6. Кн. 1. С. 73.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1955. Т.1. С. 401.

доленным людям. Это не уныние, а плач по своему несовершенству и несовершенству мира. Плач, о котором митрополит Филарет писал: «Под плачем здесь, прежде всего, разумеется духовный плач – плач о грехах, и, в связи с этим, – об удалении от Царства Божия»¹.

В связи с онтологическими проблемами поэзии С. Есенина необходимо остановиться на одном из узловых моментов жизни и творчества поэта – на его отношении к революции. С. Есенин мечтал о революции, которая раскрепостит человека, даст ему, наконец, возможность жить в гармоническом единстве с Богом, природой и самим собой. Реальная же революция принесла кровь и страдания. И у Есенина нарастает ощущение тревоги и гибельности эпохи. «Веслами срубленных рук вы гребете в страну грядущего» – можно ли более ярко охарактеризовать бесчеловечность и противоестественность избранного пути? Известные, казавшиеся противоречивыми, строки Есенина: «Отдам всю душу Октябрю и Маю, Но только лиры милой не отдам», – сегодня прочитываются вполне определенно. Поэт в отчаянии от несбывшихся надежд готов погубить душу, но голос истины, заключенный в стихах, для него важнее и ценнее собственного спасения.

«Свобода без Христа-освободителя – свобода без любви»². Такое освобождение для С. Есенина не может быть истинным. Об этом говорят его поэмы революционных и пореволюционных лет. Символично, что в маленькой поэме «Товарищ» младенец Иисус, спустившийся на землю, чтобы во время революции помочь обездоленным, «пал, сраженный пулей», погребен, и «больше нет воскресения». Поэтому победа не радует героя этого произведения: «Кто-то убивает его, кто-то душит, палит огнем». И в «железном» слове «рре-ес-пу-у-ублика» сказалось негативное отношение автора к революции, свершившейся без Христа. Та же мысль развивается в поэме «Октоих»: чтобы напиться «извечья», надо «святиться рождеством». Мужичкий рай, счастливая страна Инония не только не приближена революцией, но оказалась несбыточной мечтой. Вместо неё утвердилась мерзость «страны негодяев». «Инонию» чаще всего рассматривали как поэму богоборческую. На самом деле С. Есенин страстно отвергает не Бога, а крестные муки. Ощущая себя, как и всю Россию, жертвой, он не может с этим смириться: «Тело, Христово тело выплевываю изо рта». Можно ли кратковременное сомнение поэта, предощущающего крестные муки России и собственную гибель, считать богоотступничеством? Даже Спаситель, распинаемый на кресте, если вспомнить Евангелие, возможно, на миг усомнился: «Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил?» (Мк. XV, 34). Поэтому протестующие строки С. Есенина: «Не хочу воспринять спасение через муки его и крест», – не должны вызывать сомнения в искренней

¹ Игумен Филарет. Конспект по закону Божию. М., 1990. С. 28.

² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 557.

христианской вере поэта. Что более соответствует христианской аксиологии: радостное принятие жертвы Христа и его страданий на кресте или сострадание Христу? Вопрос остается открытым.

Религиозная ориентация С. Есенина проявляется не столько в многочисленных библейских образах в поэтических текстах Есенина, когда «Богородица, накинув синий плат, / У облачной околицы скликает в рай телят», сколько в системе нравственных ценностей поэта. С. Есенин близок душе русского человека явным ощущением греховности своей жизни и острым чувством раскаяния. Он буквально бичевал себя: «Только сам я разбойник и хам. / И по крови степной конокрад». Очень важно ощущение поэтом своей соборной принадлежности к воцерковленной России, с которой ведут борьбу под видом революции, прогресса, интернационализма те же мрачные силы: «Желтый мускул у дьявольской выи, /И легка ей чугунная гать. / Ну да что же? Ведь нам не впервые. / И расшатываться, и пропадать...»

Горький, трагический привкус имеют все поэмы Есенина советского времени. И это не могло быть иначе, ибо сатанинская прелесть величественных идей в реальной жизни обращалась в свою противоположность: вражду и ненависть. В поэме «Песнь о великом походе» сказитель восклицает: «Ну и как же тут злобу не вынашивать?». А в «Поэме о 36» он отмечает: «Их было тридцать шесть. В каждом кипела месть». Эта невольная констатация фактов вовсе не является авторским одобрением происходящего. Победа героев указанных произведений становится по сути иллюзорной, призрачной. Возникающие в итоге образы природы: холодного прибора, далекой звезды – передают ощущение суетности всего происходящего на земле, где добро и свет так и не восторжествовали.

Трудно не заметить в его стихах прямые выпады против Троцкого и Ленина – «капитана земли» с его партией «заезжих людей» и «матросов». Номарх в «Стране негодяев», за образом которого скрывается лирический герой, прямо заявляет, что после революции к власти «пришли те же жулики, те же воры». Ленин для Есенина «суровый гений». «Он – вы», – отвечает герой на вопрос крестьян о Ленине в «Анне Снегиной». Но ведь крестьяне деревни Криуши характеризуются как лихие злодеи, «их нужно в тюрьму за тюрьмой», и творят они «на свободе гнусь». Есенин никогда не идеализировал революционный народ. В подтверждение своей мысли о любви С.Есенина к Ильичу М. Дунаев цитирует строки: «Застенчивый, простой и милый, он вроде сфинкса предо мной...» Но достаточно заглянуть в толковый словарь, чтобы узнать, что сфинкс – это не только символ загадочности, но и мифическое чудовище, пожирающее тех, кто не разгадал его загадку. Революция пожрала и А. Блока, и Н. Гумилева, и Н. Клюева, и А. Ганина. Нужна была немалая смелость, чтобы в поэме «Гуляй-поле» сказать о соратниках Ленина: «Еще суровой и угрюмой они творят его дела». Судя по этим

словам, это мрачная, темная и бесчеловечная деятельность. Концепция автора воплощается не только в прямых высказываниях, но и в репликах героев, не только в тексте, но и в подтексте. С. Есенин, несомненно, очень хотел влиться, встроиться в новую послереволюционную реальность и прилагал для этого отчаянные усилия, но в стихах он не мог покривить душой. Вот, например, стихи, которые приводили как яркое свидетельство его отречения от золотой деревенской Руси в пользу индустриальной цивилизации: «И, внимая моторному лаю / В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, / Ни за что я теперь не желаю / Слушать песню тележных колес». Но если действительно проникнуться мироощущением поэта, то можно понять, что вопреки очевидности нет для него ничего более желанного, чем песня тележных колес, потому что там – песня, а тут – лай. И когда поэт заявляет: «Стыдно мне, что я в Бога верил. / Горько мне, что не верю теперь», – это совершенно не значит, что он действительно не верит. Разве стал бы атеист просить положить его «в русской рубахе под иконами умирать»? Высшей точкой подвижничества С. Есенина был прямой диалог с персонифицированным злом, черным человеком, самим дьяволом, пытающимся совратить лирического героя с истинного пути веры и добра, и полная победа над ним, выразившаяся в самом выявлении его существования. Ибо тьма боится света.

В годы революции подлинным христианским подвигом было не ожесточиться, продолжать отстаивать истинные ценности патриотизма, гуманности, искренности в дружбе и любви. При всем бунтарстве и непокорности самым ценным из сердечных свойств человеческой души он считал, видимо, кротость. И ива у него – «кроткая монашка», и «Русь кроткая», и в царевнах поэта привлекает, прежде всего, «кротость юная в их ласковых сердцах». В стихах, посвященных русским царевнам, которые поэт написал буквально накануне революции, он предугадал трагическую судьбу членов царской семьи, сходную с его собственной, и призвал помолиться за них: «Все ближе тянет их рукой неумолимой / Туда, где скорбь кладет печать на лбу. / О, помолись, святая Магдалина, / За их судьбу». Чуткий поэт с тонко организованной психикой предчувствовал и прозревал свою скорую гибель: «Скоро, скоро часы деревянные прохрипят мой двенадцатый час!», «Скоро белое дерево сринит головы моей желтый лист...» Светлый и солнечный талант оказался в темном и заблудшем мире, но радость жизни, вера в Христа и спасение так или иначе побеждают в его стихах.

Е.Н. Васильева

ЧУВСТВО ПРИРОДЫ В ПРОЗЕ И.С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА

Основной для И. С. Соколова-Микитова является традиционная для русской литературы тема – человек и природа. Писатель полагал,